

Сов. культ. фр., 1984, 29 мая

ТЕАТР — единство, состоящее из двух частей, отличающихся друг от друга и архитектурно, и функционально. — из сцены и зала.

Сцена без зала не театр. Зал без сцены тоже не театральный зал, а некое помещение, где люди сидят длинными шеренгами, плечом к плечу, в затылок друг другу, ряд за рядом.

Только слиянность того и другого есть театр. Только союз сцены и зала, только взаимопроникновение направленных друг на друга потоков энергий, эмоциональных, интеллектуальных, эстетических, только борение и слитность душ создают удивительный эффект театра: взаимодействие двух категорий человеческих привязаний — артистов и зрителей.

У театральных работников существует понятие «кворум зрителей». Это минимальное количество зрителей, которые в совокупности создают благоприятную среду для актерского коллектива, играющего на сцене, а иными словами, видимо, составляют такую энергетическую мощь, которая равновелика той, что излучается актерами со сцены. В разных спектаклях мощности разные, и кворумы должны быть разными, и это тоже хорошо чувствуют настоящие театральные администраторы. Между залом и сценой создается подвижное эмоциональное равновесие, все время изменяющееся то в ту, то в другую сторону, и поэтому, чтобы сохранить его гармоническое значение, надо то артистам энергичнее играть, то зрителям смотреть спектакль с большей затратой душевных сил. Чуткие психологические «датчики» диктуют молниеносные приказы то сцене, то залу.

Тайна

Айры Олдриджа

Покойный Владимир Александрович Филиппов, блестящий рыцарь Малого театра, свидетель театральной московской жизни начала века, однажды на лекции рассказал удивительную историю про Айру Олдриджа.

Он был негр, Айра Олдридж. Один из первых черных артистов, показавших свое искусство на европейских сценах. В 50-х годах прошлого века он гастролировал в России. Он играл Отелло. Это была сенсация — черный артист играет черного генерала! В памяти театралов он остался как один из непревзойденных интерпретаторов этой роли. Особенно славился в его исполнении сцена убийства. Говорили, что в спектакле он очень долго готовил себя к тому, чтобы стать прокурором, судьей и палачом Дездемоны. Игра его в этой сцене была на редкость неспешна и выразительна. Он кругами, крадучись, медленно-медленно подбирался к ней, с неописуемой бережностью касался пальцами ее шеи. Долгим, устремленным печальным взглядом как бы прощался с бесконечно любимой женой, потом... Потом, когда он отшвыривал ее, бездыханную, на ложе, он молча очень долго глядел на свои ощерившиеся неправедную казнь руки, поворачивался лицом к зрителям и вдруг, осознав содеянное, издавал немыслимый вопль, не то крик отчаяния, не то вой подбитого зверя. Вопль, крик, вой, от которого холодели людские сердца и лбы сидящих в зале покрывались ледяной испариной.

Однажды после представления газетные репортеры пришли к Олдриджу за кулисы и спросили прославленного артиста, каким образом удается ему издать такой рвущий душу крик, от которого слабонервные бьются в истерику.

— Откройте нам свою тайну, — просили они.

Усталый после спектакля артист долго смотрел на газетчиков, переводя глаза с одного на другого, а затем произнес с улыбкой:

— Я только раскрываю рот — кричит зал... Конечно, молча... Про себя... Это кричат их сердца...

Оказывается, это зрители в душе своей вопили, как один, сочувствуя Отелло! Артист успевал лишь слегка разомкнуть губы, как сотнеголосый немой вопль несся ему навстречу...

Вот чем велик театр!

Театр!.. Как по сути своей трагично это искусство! Спектакль погибает в моменты его творения. Закрывающийся занавес отрезает от нас навсегда, в вечность, в небытие произведение театрального искусства, которое нас только что потрясло, ве-

ждалкий рассеянный свет. Но это, как выяснилось, оттого, что прекрасная старая люстра висела под потолком бог знает на какой высоте, в театрике-то оказалось пять ярусов! И светила она неярко. Да, свет в зале и воздух были серые, неяркие, как и порталная стена, и балконы, украшенные рокайльной лепниной. Они до того пропылились за десятки безремонтных лет, что гипсовые грозди и гирлянды фигурных листьев покрылись жирными пятнами темно-бурых подпалин, что, к слову сказать, придавало им еще большую графическую четкость. Стулья в зале были

Но вот один из мешков, сваленных на середине сцены, шевельнулся, и из него выпросталось нечто, похожее на клювик какой-то долгоносой экзотической птицы. Это была тоненькая рука, гибкая, темнокрая и, судя по пластической раскованности, принадлежащая существу свободному и ничем не стесненному. Рука эта вела себя то как перископ — она все вокруг отлично видела, то как чуткий микрофон — прекрасно слышала все-все, что происходило вокруг серых, чем-то набитых мешков. В характере этой руки, в ее движениях было нечто такое, что я потом увидел в фильме режиссера Стивена Спилберга «Э. Т.» (экстра террестр — внеземное, по-русски) — темную лапку с колючими пальчиками неведомого, чуждого, внеземного творения. Маленьким пламенем полыхнула зажатая в щепоти алая розочка, очерчивая в пространстве круг, на который сейчас распространится тайная ворожба... И вот один из мешков шевельнулся, откинулся, обнаружив худенькую, темнокую, черноволосую полудевочку-полужверьку. В ее прищипку были вплетены алые ленты, которые огненными язычками выбивались из жестких, словно пучки сухих веточек, прядей. Но тут зазвучали первые такты «Хабанеры», и движения этого существа изменились. Плавные, широкие колдовские пассы были проделаны ею с такой убедительностью и естественностью, какой отличаются всегда поражающие меня своей целесообразностью движения хирурга во время операции. И в процессе совершения этих приворотных чар темнокрая красавица обрела и покой, и силу, и, не спуская загадочных глаз с лица разом встревожившегося Хозе, начала одолевать его волю, ломать ее и к концу арии было件件, что Микаэла ему уже больше не нужна и что душа его, как, впрочем, и тело, отныне и навсегда накрепко связаны с колючими пальчиками ее смуглых рук. И Кармен, все больше и больше веря в обретаемую ею силу, окончательно распоясывается, нагло унижает вконец смятенную Микаэлу и, чтобы закрепить свою победу и восторжествовать над соперницей, плюет ей в лицо, и раз, и два, и три...

Я, взорванный творимым на глазах злым таинством, даже и не заметил, как Микаэла покинула сцену и что Хозе остался наедине с красавицей-цыганкой, этой полудевочкой — полужверьком, как они прильнули друг к другу и слились воедино во всю длину своих тел, от шиколоток до притиснутых друг к другу висков, до спущавшихся волос... Тут и кончилась «Хабанера», наступила тишина, словно стих колдовской ветер, который в трагической игре пронесся над судьбами этих людей, взвихрил их одежды, вскружил им головы, обдул, охолодив, сердца и улетел, оставив после себя застылость противобожеского торжества греховной любви... А может быть... Кто знает?.. Не счастья ли?..

Я посмотрел направо и увидел череду профилей, безорывно устремленных на сцену. Я посмотрел налево — тоже череда профилей, объединенных общим выражением, словно вычеканенных на загустевшем воздухе театра. А уплотненность театрального воздуха, его телесность, возникла, наверное, от слияния двух потоков энергий, несущихся со сцены в зрительный зал и из зала на сцену. И я почувствовал, что являюсь частью этой структуры, что душа моя расправляется, словно обезвоженный лепесток, которому дали вволю напиться, и приобретает краски, которых была лишена. Со мной это случилось, пожалуй, впервые. Я переживал наступление катариса, который наступал мощно, на все шеренги рядов в зале, наступал агрессивно, по всем правилам военного искусства. Я был пленен одним из первых.

СЦЕНА И ЗАЛ

Мы предлагаем вниманию читателей отрывок из книги известного советского киноматюрга, заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР С. ЛУНГИНА. Книга готовится к печати издательством «Искусство».

сидело, заставляло думать. Позвольте... а следующий спектакль? А следующий спектакль будет уже другим спектаклем... Да, другим, потому что артисты придут на него в другом настроении, потому что погода будет другая, а главное, что состав зрительного зала будет другим, и поток заинтересованного внимания, направленного на сцену, будет иным, будет таким, каким он еще никогда не был и никогда больше не будет. Зрительный зал — этот коллективный локатор, воспринимающий биотки, несущиеся со сцены, — будет работать чуть-чуть в ином режиме, и тонкий нервный аппарат актера тут же перестроится на заданный залом лад. И хотя будут сказаны те же реплики, выполнены те же мизансцены, будут осуществлены установленные задачи, хотя внешний рисунок и останется прежним, но эмоциональное наполнение спектакля будет почти таким же, но не таким.

Спектакль существует лишь с того момента, как убрали свет в зрительном зале и осветили сценическую площадку, до того, как вспыхнет снова люстра и погаснут фонари, освещавшие сцену. И все... И только лишь пристрастная, а часто и неверная память современников способна удержать зыбкое впечатление от казавшегося в Лету произведения искусства театра, да иная заметка критика — субъективный бледный отсвет давнего живого пламени.

А пока начинается медленно гаснуть свет люстры, и одновременно загораются прожектора из лож и выносного софита, раздаются, замирая, последние покашливания. Ну-с, посмотрим, как они сегодня сыграют свои роли, как-то взволнует меня сегодня их искусство...

Колдовское

пламя «Хабанеры»

Трагическая история девицы Кармен по повелле Проспера Мериме и опере Жоржа Бизе, поставленная режиссером Питером Бруком

Назывался этот театр «Буфф дю Нор» — театр Буфф, что в северной части Парижа. Лет тридцать, если не больше, он был арендован под склад и был складом до того дня, когда трупца, с которой работал Питер Брук, не получила право владения этим помещением, сохранив его довоенное название.

Узенький подковообразный коридор охватывал зрительный зал. В коридоре было темно, словно предстояла вечерняя репетиция, а не публичный спектакль, да еще, как говорили, последний. Из распахнутых в зал дверей струился какой-то

случайные, сборные, неодинаковой высоты, со спинками и без, были и длинные скамьи да еще подушки из реквизита, которые шустрыми администратор весело швырял зрителям, оставшимся без мест. Все это делалось с улыбками и шутками, словно специальный аттракцион перед началом спектакля. Пространство между первым рядом и сценой в миг заполнилось десятками разноцветных подушек, и зрители всех возрастов и социальных уровней плюхались на них, кто кряхтя, кто смеясь...

Но самым примечательным была сцена. Занавес, конечно, отсутствовал, да и подмостки тоже. Пол партера, уходящий к брандмауэру сцены, был засыпан толстым слоем гравия. Сантиметров, наверное, двадцать пять мелкого гранитного боя пандусом поднимались к арьерсцене, образуя игровую площадку. Он был упруг, этот гравий, и хрустел под ногами, отчего шаги артистов делались затрудненными и торжественными, что ли. Набитые чем-то мешки, сваленные в кучу в центре сцены, завершали оформление. Вспыхнули лобовые фонари, и серый портал со скульптурным декором стально засверкал — казалось, что его осветили изнутри. Но вот зрители расселись и притихли. Захрустели под подметками мелкие камешки, и по проходу длинной чередой двинулись музыканты с инструментами в руках. Одеты они были кто как: одни в вечерних туалетах — это те, кто постарше, другие же, молодые, в свитерах и джинсах, юные кларнетистки в мини-юбках, таких теперь снова модных, а седовласые господа в валторнами и тромбонами в визитках и крахмальных воротничках, как на похоронах. Все чинно прошло через зал и расселись за пультами в обоих карманах сцены. Дирижер взмахнул палочкой, и гроыхнула увертюра...

Артисты оказались молодыми и милого облика, совсем без грима в оперном его понимании и в костюмах, в которых можно пройти по улице. Запели они с естественностью необыкновенной, а когда заговорили — были и такие сцены, — то не чувствовалось нарочитого «оперного» звука.

Хозе был в черной узенькой форме, из которой он вроде бы вырос. И это делало его еще более молодым и незащищенным. Микаэла — в строгом синем платье, хорошо обтягивающем ее юную фигуру, и причесанная на старый манер — походила на начинающую учительницу. По тому, с какой нежной доверчивостью молодые люди пели свой дуэт, было ясно, что они рады друг на друга глядеть, петь друг с другом, что они друг друга любят...